

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

Гениальности и Одаренности

(Эвропатологии)

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ
ПАТОЛОГИИ ГЕНИАЛЬНО-
ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ,
А ТАКЖЕ ВОПРОСАМ ПА-
ТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
д-ра Г. В. СЕГАЛИНА

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

Том III.

1927 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Проф. В. И. РУДНЕВ. Тургенев и Чехов в изображении галлюцинаций.—Д-р И. Б. ГАЛАНТ. Эвроэндокринология великих русских писателей и поэтов: 4. Достоевский, 5. Некрасов, 6. Леонид Андреев, 7. Крылов. Д-р Я. В. МИНЦ. Иисус Христос—как тип душевнобольного.

СКЛАД ИЗДАНИЯ «ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА»

ЛЕНИНГРАД, УЛ. ЛАССАЛЯ, 2.

ИЗДАНИЕ РЕДАКТОРА

Тургенев и Чехов в изображении галлюцинации*)

Доклад в годовичном заседании общества невропатологов и психиатров в Ташкенте.

Проф. В. И. Руднева.

Русские писатели изображали иногда в своих произведениях галлюцинации. Это изображение таких весьма интересных психопатологических состояний заслуживает внимания, как своего рода талантливые истории болезней а кроме того, авторы, благодаря своей гениальной интуиции, сами не замечая, открывают законы психического расстройства (напр., автоматизм, подсознательную деятельность и пр., как основу галлюцинаций), что для психиатра является в особенности поучительным.

Мною будет произведен психологический анализ «Клары Милич» Тургенева и «Черного монаха» Чехова.

В повести Тургенева «Клара Милич» прекрасно описаны галлюцинации различных чувств: слуха, зрения, осязания, температурного чувства. Случаи множественных галлюцинаций у одного и того же субъекта встречаются далеко не часто, а

*) **Примечание редакции.** Печатаемая здесь статья проф. В. И. Руднева хотя и имеет целью сравнение этих 2-х писателей в изображении галлюцинаций, однако для патографа и невропатолога имеет еще и другой интерес, на что мы и хотим обратить внимание здесь читателя.

Дело в том, что анализируемый здесь автором герой рассказа «Клара Милич» изображается Тургеньевым душевно больным. Между тем, этот рассказ написан Тургеньевым как раз в период развития его тяжелой нервной болезни, от которой он и умер (см. статью—«Нервно-психическая болезнь Тургенева перед смертью» Б. Я. Вольфсон «Кл. Арх. Ген. и Одар.» вып. 2-й том III—за 27 г.).

В 1882 году 18/6 сентября сам Тургеньев писал М. Г. Савиной: «благодаря некоторому облегчению моих недугов мне удалось написать довольно большую повесть по содержанию почти безумную». Сопоставляя эти хронологические данные, болезнь Тургенева, болезнь героя «Клары Милич», написанного в это же время, невольно напрашивается мысль, не имеет ли этот рассказ автобиографического значения в патографии самого Тургенева? Ведь, не случайность, что он избрал такой сюжет именно в этот период, когда у него развивались тяжкие нервно-психические страдания. Если Чехов брал такой сюжет, то, ведь, Чехов, будучи сам врачом, мог знать нервно-психические заболевания, не переживая их, но Тургеньев избрал сюжетом изображение душевно-больного героя—не будучи врачом—явление не случайное. Патографические исследования большинства великих писателей нам давно уже доказали, что изображения душевной болезни автором в большинстве случаев имеют автобиографическое значение. Впрочем, вопрос этот в будущей патографии Тургенева должен быть освещен надлежащим образом.

потому очень любопытны. Нас интересует герой Аратов с психиатрической точки зрения, и мы рассмотрим как его болезненное состояние, так и те образы, которые служили источником галлюцинаций, а также отношение к ним самого Аратова. Уже с первых строк повести обрисован характер Аратова, который, исходя от больной матери, еще в детстве имел анемию и склонность к чахотке. Отец его был меланхолического нрава. Унаследовав от матери ее телесную, а от отца духовную организацию, Аратов вел уединенный образ жизни, избегал общества, в особенности женщин, жил, как дикарь, и только зачитывался книгами. Он отличался какой-то прирожденной стыдливостью, довольствуясь обществом своей тетки да товарища немца Купфера, которого привлекала к Аратову его душевная чистота, идеальность. Здоровье Аратова было не крепкое: у него наблюдалось сердцебиение, одышка. Он был впечатлителен, нервен, а главное мнителен, верил в то, что как в природе, так и в душе человеческой, существуют тайны, о которых можно иметь только представление. Таинственный мир нельзя постигнуть, его можно только предугадать по тем влияниям, которые он оказывает на человека, а это действие может быть и благоприятным и неблагоприятным для человека, смотря по тому, какие силы на него действуют. Но что эти силы существуют, он верил в это.

Товарищ Купфер, жизнерадостный и сангвиник, не мог, конечно, примириться с жизнью аскета и отшельника Аратова, его отчуждением от света и общества, и уговорил его как-то поехать на один музыкальный вечер с благотворительной целью. Этот вечер оказался роковым для Аратова: он увидел там Клару, да и для нее он имел трагические последствия: она впоследствии после свидания с Аратовым, который не понял порыва ее души, отравилась вследствие неразделенного им чувства любви.

Пропуская все подробности, так живо описанные Тургеневым, мы должны сказать, что Клара произвела известное впечатление на Аратова, и ему беспрестанно приходили на память слова: «несчастливая Клара, безумная Клара», относившиеся собственно к другой особе. После этого вечера, на котором Клара оказала много внимания Аратову, у него появилось, что-то неладное в его взглядах, в его речах, как заметила его тетка. Записка и свидание с Кларой также взволновали его, но все это не было настолько сильно, как известие, прочитанное им в газете, о самоубийстве Клары. Оно произвело потрясающее действие на него. Он был как отуманенный, ошеломлен; образ ее предстал пред ним, и слезы полились у него из глаз. Расспросив Купфера о подробностях самоубийства Клары, Аратов решил поехать в Казань и собрать там более подробные сведения. Он все время думал о ней.

«Перед ним опять всплыл образ Клары, с устремленным на него, залитым слезами взором, с приподнятыми к губам, стиснутыми руками».

Он старался прогнать от себя этот образ. Ночью ему приснился сон, он видел во сне женщину, образ которой превратился в Клару, и он слышал ее голос, который велел ему ехать «туда».

Поездка в Казань, беседа с родными Клары, чтение ее дневника и все прочее еще более расстроило нервы Аратова, и он очутился совершенно во власти своих воспоминаний. «Ему беспрестанно представлялся образ Клары до малейших подробностей, до таких подробностей, которых он при жизни ее как будто не замечал: он видел видел ее пальцы, ногти, грядки волос на щеках, под висками, небольшую родинку под левым глазом, видел движение ее губ, ноздрей, бровей и какая у нее походка, и как она держит голову немного на правый бок . . . все видел он. Он вовсе не любовался всем этим, он только не мог об этом не думать, не видеть.»

Из этих описаний можно заключить, какой *живости* достиг в воображении Аратова *образ* Клары, он как будто видел ее на яву, а во-вторых, образ этот уже носил *навязчивый* характер и являлся помимо воли Аратова, навязывался ему даже против и помимо его желаний. Аратов, как выразился Тургенев, чувствовал, что он находится во власти другого существа. Живость образа и его навязчивость есть одно из условий наступления галлюцинации, которая уже очень близка и должна роковым образом появиться, когда исчезнут, как говорит Тэн, ограничители этого образа, когда субъект потеряет различие между воображением и действительностью. Он сам, впрочем, невольно употребляет усилия, чтобы еще более укрепить этот образ тем, что увеличил портрет Клары, поместив его в стереоскоп, и вызвал впечатление телесности изображения. Он даже вздрогнул, увидя фигуру ее в стереоскопе.

Его рассуждения о бессмертии души, о жизни за гробом, а также суждения, почерпнутые им из книг и священного писания о силе любви и снова воспоминание о последнем свидании с Кларой, и все прочее настолько его расстроили, что он чувствовал себя утомленным.

Утомление, как известно, также является одним из условий, способствующих появлению галлюцинаций. Утомление это не располагает ко сну, как обычно усталость, а наоборот лишает сна и еще более обостряет получаемые впечатления, которые становятся даже несносными. Лежа в постели с закрытыми глазами во мраке ночи, Аратов почувствовал или скорее ему почудилось, что «кто-то шепчет ему на ухо».

Слуховая галлюцинация была здесь еще не ясна, и Аратов об'яснил ее себе шелестом крови вследствие биения сердца, но когда шопот продолжался и принял оттенок голоса Клары, слышались слова: «розы... розы... розы».

Аратов вспомнил, что во сне он видел на голове женщины розы.

Как часто сновидения имеют влияние на характер и содержание галлюцинаций.

Достоевский прекрасно знал об этом, указав на то, что у Голядкина галлюцинация представляла копию сна. Сновидение, как это уже доказано, представляет из себя кортикальные галлюцинации.

Улышав снова слово «розы», Аратов спросил шопотом: «ты ли это?» «Голос вдруг умолк».

Галлюцинация уже была настолько ясна, что Аратов даже с своей стороны предложил вопрос, хотя не получил ответа, он подумал: «это галлюцинация слуха». Значит, критическое отношение его оставалось, но вот удивительно: несмотря на указание здравого смысла, что он галлюцинирует, Аратов сам себе предлагает вопросы: «ну, а если она здесь», и что было бы с ним, если бы он увидел Клару?

Таким образом, вера или скорее суеверие может продолжаться оставаться вопреки действию здравого смысла.

Суеверный, мнительный человек готов признать существование того, что противоречит действительности. Если Аратов увидит Клару, это будет служить доказательством существования другого мира и бессмертия души, если видение, впрочем, также не будет галлюцинацией.

В глубине души у Аратова было сильное желание видеть Клару, и ему даже было досадно, когда он зажег свечу и никого не увидел в комнате.

Слуховая галлюцинация еще не вызвала зрительной, но у него появилось новое ощущение: ему показалось, что кто-то стоит посреди комнаты, недалеко от него и чуть заметно дышет. Ему почудилось, что какой-то мягкий, бесшумный вихрь пронесся через всю комнату, через него, сквозь него, и слово «я» явственно раздалось в его ушах. «Я! Я!».

Он снова зажег свечу, но никого в комнате не видел. Он решил ждать. Глаза его слипались, казалось ему, что он их открывал. В комнате был полумрак, и вот пятно двери, на которую он смотрел, «шевельнулось, уменьшилось, исчезло... и на его месте, на пороге двери показалась женская фигура», которая прямо подвигалась к нему и смотрела на него; на голове ее венок из красивых роз. «Клара!» подумал он, но это была тетка, которая вошла, встревоженная и разбуженная криком Аратова.

Здесь вместо галлюцинации у Аратова образовалась иллюзия; красный бант на ночном чепце тетки он принял за розу, а белую кофту за белую фигуру, черты же лица ее показались лицом Клары.

Все чары разлетелись, и Аратов громко рассмеялся при виде испуганного лица своей тетки. Он уснул, но ему было жаль чего-то».

На другой день, отправившись к товарищу Купферу, Аратов узнал от него подробности о самоотравлении Клары, и они так поразили его, что у него похолодели руки, задрожало в груди, и он побелел, как глина, на что и обратил внимание его

товарищ, назвав его «нервическим» человеком. Потрясающее впечатление, полученное им от рассказа о смерти Клары, еще более расстроило этого «нервического» человека.

Ему снова приснился сон, в котором отчасти была воспроизведена сцена отравления Клары; сначала фигурировала склянка с темной жидкостью, а потом Аратов увидел Клару в театральном костюме со склянкой яда в руках, которую она подносила к губам при криках: «браво!».

Проснувшись, он чувствовал присутствие Клары в комнате и спросил: «Клара, ты здесь?»

«Да!» было ответом (слуховая галлюцинация).

«Ощущение присутствия Клары было в нем сильнее, чем когда-либо».

Он произнес целую речь, убеждая Клару явиться ему, так как он любит ее страстно. Он почувствовал, как кто-то подошел к нему сзади—как тогда на бульваре—и положил ему руку на плечо (галлюцинация осязательного и мышечного чувства).

Он оглянулся, никого не видел, но ощущение присутствия Клары было несомненно. И действительно, он увидел, наконец: «на его кресле, в двух шагах от него сидит женщина, вся в черном. Голова отклонена в сторону, как в стереоскопе» (галлюцинация, как воспроизведенный образ).

Хотя Аратов и находился в состоянии галлюцинации, но здравый смысл у него еще не был потерян совсем, и он хотел окончательно убедить себя в ее присутствии, так как сомневался, не есть ли это его *воображение*.

Он говорил: «я знаю, что это ты... но, ведь, я могу подумать, что мое воображение создало образ, подобный тому (он указал рукой в направлении стереоскопа). Докажи мне, что это ты, обернись ко мне, посмотри на меня, Клара!». Желание Аратова увидеть Клару было так сильно, что он невольно сам себя загипнотизировал и вызвал желаемое для него явление.

«Голова Клары тихо повернулась, опустилась, веки раскрылись и темные зрачки ее глаз вперились в Аратова. Он подался немного назад и произнес трепетное—«А». Клара пристально смотрела на него, но ее глаза, ее черты сохраняли прежнее задумчивое, почти недовольное выражение.

С этим именно выражением на лице явилась она на эстраду в день литературного утра, прежде чем увидела Аратова. И так же, как в тот раз, она вдруг покраснела, лицо оживилось, вспыхнул взор, и радостная торжествующая улыбка раскрыла ее губы.

— «Я прощен, воскликнул Аратов. Ты победила... Возьми же меня... Ведь я твой и ты моя».

«Он ринулся к ней, он хотел поцеловать эти улыбающиеся, эти торжествующие губы, и он поцеловал их, он почувствовал

их горячее прикосновение (галлюцинация температурного чувства), он почувствовал влажный холодок ея зубов, и восторженный крик огласил полутемную комнату.

«Вбежавшая Платония Ивановна нашла его в обмороке, он стоял на коленях, голова его лежала на кресле, протянутые вперед руки бессильно свисли; бледное лицо дышало упоением безмерного счастья».

Когда он пришел в себя, он сказал, что он счастлив.

Да, действительно, он добился того, к чему стремился, воображение создало ему образ, который он воплотил в действительность и поверил своему созданию. «Он имел вид человека, который узнал великую для него очень приятную тайну и ревниво держит и хранит ее про себя. Изумляться, недоумевать он перестал. Он не сомневался в том, что вступил в сообщение с Кларой».

Он сошел с ума, прибавим мы от себя, и стал жить уже в области своей фантазии. Он решил, что Клара приходила за ним, и он должен умереть, но смерть не страшила его, так как там он соединится с Кларой. Здоровье его очень пошатнулось, он потерял аппетит, но уверял, что он самый здоровый и счастливый человек. После вторичного обморока он заболел горячкой и через несколько дней умер, а перед смертью бредил отравой, называл себя Ромео, говорил о заключенном браке; придя на минуту в сознание, он утешал тетку, говоря, что любовь сильнее смерти. На лице умирающего засияла та блаженная улыбка, от которой так жутко становилось бедной старухе.

Я воспроизвел довольно подробно перед Вами наиболее существенные моменты психического состояния Аратова, у которого галлюцинации наблюдались почти во всех органах чувств, и подчеркнул уже как влияние воображения, так и сновидений на галлюцинации. Теперь мы подробно остановимся на подчеркнутых нами фактах, касающихся галлюцинаций, разберем в отдельности влияние каждого из них на происхождение галлюцинаций. На первом плане, конечно, будет стоять воображение.

1. Воображение, как основа галлюцинации.

Тургенев очень хорошо понимал, что галлюцинации являются продуктами воображения. Они суть образы, созданные умом, настолько живые, что вводят в заблуждение самый же ум, они представляют из себя обманы ума, что в начале и сознают даже сами галлюцинанты. Взяв образ за исходную точку галлюцинации, Тургенев завладел настоящей позицией, не сходя с которой, он совершенно верно изобразил все подробности развития галлюцинации и постепенное овладение ею своей жертвой, которая представила благоприятную почву для пышного расцвета этого образа.

Живость образа, как мы уже сказали, есть первое условие для зарождения галлюцинаций. Тургенев это отметил, указав на то, что образ Клары в начале был настолько ярким, что малейшие черты ее лица воспроизводились Аратовым с ясностью очевидного зрения, как будто он видел ее перед собою.

При обычных условиях, как говорит психолог и психиатр *Циген*, при воспоминании о чем-либо, живость, отличительный признак каждого впечатления отсутствует. Образы воспоминаний при сравнении с действительностью бледны, они не чувственны, но интеллектуальны, умственны, и мы всегда отличали их от непосредственно полученных впечатлений. Воспроизведение зрительных и слуховых впечатлений более живо, чем другие, этим и объясняется частота зрительных и слуховых галлюцинаций, но образы других впечатлений, как напр., вкусовых, обонятельных, температурных в нашем уме очень бледны и не ярки; вообразить себе холод, тепло, напр., мы можем только посредственно, представив себе зрительно ту обстановку, в которой мы получили эти впечатления.

Но иногда образ приобретает такую живость, что приближается по своим качествам к ощущению, это в особенности тогда, когда он является произвольно и носит навязчивый характер. Ну, напр., какой-нибудь мотив не дает нам покоя, и мы слышим как будто арию или музыку в своих ушах. Образ этот перед нами и вызывает неприятное чувство; мы стараемся избавиться от него, делаем попытки не обращать на него внимание, отвлекаемся в сторону, но он снова овладевает нами и напоминает о себе. Это в особенности бывает с нами когда мы испытали какое либо нравственное погрешение: потерю близкого лица или подвергались какой-либо опасности, напр., при крушении поезда или пожаре на пароходе. Тогда все пережитые нами сцены воскресают, всплывают в воображении и заставляют нас снова переживать их.

Это потому, что они сопровождались *эмоцией*, душевными волнениями. Образ, который запечатлелся у нас при известной эмоции, отличается особой силой, он как бы опирается на чувство и становится более могущественным; в эмоции он имеет какую-то поддержку; с другой стороны, эмоция или душевное волнение само по себе может сделать образ настолько живым, что он становится галлюцинацией (примеры у Кандинского).

Эмоция есть одно из условий галлюцинации.

Если же к этому еще присоединится воля или желание вызывать образ, фиксировать его, думать о нем исключительно, то он может, как выражаются, гипертрофироваться, т. е. приобретать еще большую силу и живость.

Аратов, прочитав известие о насильственной смерти Клары, об ее отравлении, был потрясен, он испытал сильное душевное

волнение, эмоцию; образ Клары предстал пред ним так ярко и чувственно, он испытывал такую жалость, что слезы полились у него из глаз. Образ, запечатленный при условиях эмоции, воспроизводится именно в том же виде, и Тургенев, описывая галлюцинации у Аратова, отметил их характерные особенности: у Клары было то же выражение лица, она так же покраснела и даже так же подошла сзади, как и на бульваре, во время свидания. Все это указывает на то, что галлюцинация есть повторение того же самого впечатления, какое было получено раньше.

Она есть воспоминание, воспроизведение того, что уже раньше было воспринято или пережито, хотя бы даже во сне. И сон может повториться в галлюцинации, которая напоминает сноподобное состояние. Галлюцинанты иногда не могут отдать себе отчета, видят они что-нибудь во сне или на яву. Иван Карамазов Достоевского говорил о своей галлюцинации; «не знаю только, спал ли я в прошлый раз или видел тебя на яву». Аратов видел Клару всегда ничью, обыкновенно после сна, когда мозг его находился, быть может, еще во власти сонных грез, тогда как днем она ему никогда не являлась. Ночная тишина, полумрак комнаты или совершенная темнота, сновидения способствовали появлению галлюцинации.

Это понятно, в это время не было других отвлекающих, исправляющих «корректирующих», как выражается *Тэн*, внешних влияний, которые бы ослабляли силу умственного образа и возвращали бы к действительности. Зажженная свеча, появление тетки разгоняло фантастические видения, и Аратов освобождался от них. Он во сне продолжал фантазировать и переживал то, что испытал на яву. Рассказ товарища Купфера, что Клара отравилась в театре, отразился во сне видением Клары в театральном костюме, подносящей склянку с ядом к губам.

Психология сновидений учит нас тому, что во сне мы переживаем события кануна, которые могут быть, конечно, изменены под влиянием работы сна, но Тургенев правильно рисует эту работу сна, а также содержание сновидений, соответствующее как событиям, испытанным Аратовым, так и поразившим его фактам. Сон есть продолжение действительности, как и действительность может быть продолжением сна. Изучив законы сновидений, можно понять механизм галлюцинаций, к которому мы и перейдем.

Механизм галлюцинации.

Установив природу галлюцинаций, которая есть не что иное, как образ, созданный воображением и принятый за действительность, можно думать, что она при своем развитии и действии подчиняется тем же законам, как и образы вообще, т.е. появляется в известное время, а затем исчезает, делается более яркой или бледной. Способ проявления ее или механизм дей-

ствительно носит все эти черты, но отличается от обыкновенного образа своим *непроизвольным* появлением помимо желания, своей навязчивостью и *автоматизмом*. Он не подчиняется воле субъекта, а самостоятелен. Галлюцинация Клары появлялась не в тот момент, когда этого хотел Аратов, а тогда, когда для нее наступало время, так же как и исчезала она помимо желания или даже вопреки желанию Аратова; по своему механизму галлюцинация соответствовала тому же процессу, какой происходит при *воспоминании*, да и она сама по себе представляла не что иное, как воспоминание прежде пережитого или слышанного, или каким бы то ни было другим способом воспринятого. Отличие ее от воспоминания заключается в том, что образ воспоминания у здорового считается субъективным, тогда как галлюцинация есть явление, признаваемое объективным. И вот что удивительно: в начале больные могут сознавать субъективное происхождение галлюцинаций, а потом они относятся иначе к этому явлению, они теряют способность отличать воображение от действительности; бывает и наоборот: то, что они считали объективным, чужим, они со временем признают своим произведением, все дело в их вере, к которой я и перейду.

Вера в галлюцинацию.

Увидев галлюцинаторно Клару, Аратов сознавал, что, ведь, это может быть результатом его собственного воображения, и требовал от Клары доказательств ее жизненности т. е. движений. Все неподвижное кажется нам мертвым, неживым, и первым признаком жизни является движение; если то, что мы видим, двигается в различные стороны, значит, это живо. Когда Клара начала производить движения, подняла руку, повернулась, раскрыла глаза, покраснела, улыбнулась, то Аратов *поверил* в то, что она явилась ему живой. Тогда он бросился к ней и поцеловал ее, и упал в обморок. Дорого обошлась ему эта вера, он заплатил за нее бредом и сумасшествием. Не легко приобрести веру, но если человек обрел ее, можно, как говорят, двигать горами.

Какое это интересное психологическое состояние вера и как трудно быть верующим! Не есть ли, однако, наша вера галлюцинация? Ведь, внешнее восприятие *Тэн* же считает психикой галлюцинаций, а *Беркли* давно уже сказал: «мы лишь созерцали свои собственные идеи».

Аратову ум подсказывал, что образ Клары может быть результатом воображения, но чувство заставило его поверить в загробную жизнь и возможность умершим являться живым, или, вернее, свои чувства он подкрепил верой и запутался в ней. А раз уже он поверил, трудно было бы убедить его в противном, т. е. что все это ему кажется и не нужно верить

Пигмалион, изваявший статую Галатеи, хотя и видел, что она есть его произведение, но, поверив в то, что она ожила, потерял различие между неодушевленной статуей и живым человеком. Он сошел с ума.

Фома неверующий хотя и видел Христа, но только тогда, когда вложил персты в раны, поверил в то, что он жив и воскрес.

Таким образом, для веры требуется какое-то особое состояние, когда он впадает в состояние гипноза, т. е. в состояние галлюцинации.

Мопассан, видя своего двойника, сидящего в кресле, не верил его действительному существованию, а потому не сходил с ума, художник же, который обладал настолько живым воображением, что мог вообразить человека, посадить его на кресло и рисовать с него портрет, сошел с ума, когда поверил его существованию, тогда он потерял различие между действительностью и воображением.

Аратову тем легче было поверить галлюцинации, что он верил уже раньше в тайны.

Кант в критике чистого разума говорит: нельзя не считать позором, что философия и разум прибегают для доказательства существования внешнего мира к простому свидетельству веры». (Льюис. История философии Р. П. 1897 г. стр. 491).

Вера спасает, также как она сопротивляется доказательствам.

Философ Льюис, рассматривая учение Беркли, являющееся чистым идеализмом, говорит, что идеализм не вселяет в нас никакого убеждения, и что в человечестве есть непреодолимая вера в то, что объекты существуют независимо от восприятия их нашим или другим умом, что они существуют *per se* и всегда продолжали бы существовать, если бы не было ума, но из того, что вера непреодолима, вовсе не следует, что она основательна. (Льюис *ibidem* 49).

Аратов, поверив, стал уже другим человеком. Вера в реальность своих галлюцинаций настолько изменяет психику, что она делается уже недоступной доказательствам разума, вот почему при душевных болезнях вера больного в галлюцинации и свой бред поражает врача своей стойкостью, она указывает на глубокое понижение умственного уровня; он действительно, сходит с ума, как бы с известного возвышения и спускается вниз. С другой стороны, насколько знание просвещает и поднимает вверх, и заставляет отказаться от наивных верований, свойственных людям необразованным. При выздоровлении от душевной болезни вера в галлюцинацию исчезает, и больной убеждается, что все это ему казалось.

Патогенез галлюцинаций.

Признав, что в основе галлюцинации лежит образ, т. е. представление, можно быть уверенным, что в патогенезе или

происхождении галлюцинации участвуют те именно участки мозга, где сосредоточены образы или представления, а таковыми участками являются только известные части мозговой коры, в которых заложены наивысшие психические центры, т. е. центры понятий, так наз. ассоциативные центры, не связанные непосредственно с периферией, а с чувственными центрами.

Вопрос, в каком же состоянии находятся эти центры, в состоянии возбуждения или угнетения? Научные данные позволяют высказаться в пользу того, что эти центры понятий находятся в возбужденном состоянии, которое было подготовлено предшествовавшими событиями и раздражениями. Так как галлюцинации выражаются произвольными, нежелательными, насильственными актами, совершающимися помимо воли, то они носят характер, так называемой, подсознательной деятельности, результатом которой, собственно, они и являются.

После этих кратких рассуждений, я перейду к психоанализу произведения Чехова и должен извиниться, что мне придется довольно много цитировать, но без этого невозможно было обойтись, ибо рассуждения больного есть своего рода история болезни, и важно подчеркнуть его собственные слова.

„Черный монах“ Чехова.

Здесь действующим лицом—галлюцинантом является также интеллигентный человек, который может разобраться в своих психических переживаниях и критически отнестись к своему состоянию. Кроме того, автор этого произведения Чехов, как известно, врач и, следовательно, изображение им душевной болезни должно быть несколько иное, чем, напр., Тургенева, и мы вправе ожидать от Чехова, как от врача, более естественного, а не искусственного, так сказать, отношения к изображенному им патологическому явлению, и предъявить к нему даже известные требования. Чехов начинает с указания, что герой Коврин магистр, утомился и расстроил себе нервы. Утомление и расстройство нервов есть условие, как мы уже сказали, предрасполагающее к появлению галлюцинаций. Психиатр *Чиж* говорит, что у *Гете*, этой идеально гармонической натуры, видение своего двойника было после сильного душевного потрясения и утомления путешествием.

Еще *Плутарх* устами Кассия об'яснял известные галлюцинации Брута его чрезмерным физическим и психическим утомлением.

Получив совет врача поехать в деревню отдохнуть, Коврин, философ и психолог, «продолжал вести такую же нервную и беспокойную жизнь, как в городе: он много читал и писал, учился итальянскому языку», а главное: «он спал так мало, что все удивлялись». Расстройство сна у лиц нервных есть весьма частый симптом. Коврин «слушая песни и музыку»

изнемогал от них, у него слипались глаза и клонило голову на бок».

В таком изнеможении, и когда у него слипались глаза, после того, как он из пропетой арии понял, что одна, больная воображением девушка, слышала в саду какие-то таинственные звуки, в виде священной гармонии, непонятной смертным и улетевшей в небо, Коврин, выйдя в сад с Таней, рассказал ей о легенде про черного монаха, который 1000 лет тому назад шел по пустыне где-то в Сирии, его отражение или мираж видели на поверхности озера, от миража, вопреки законам оптики, получился другой мираж, третий и т. д. Во всех слоях атмосферы получилось изображение этого монаха, но весь интерес в том, что через тысячу лет он снова попадет в темную атмосферу и покажется людям не сегодня, завтра.

«Странный мираж», сказала Таня, которой не понравилась легенда.

«Но удивительнее всего, засмеялся Коврин, что я никак не могу вспомнить, откуда мне попала в голову эта легенда. Читал где, слышал? Или, быть может, черный монах *снился* мне. Клянусь богом, *не помню*. Но легенда меня занимает. Я сегодня о ней целый день думал». Хотя Коврин не знает, откуда у него в голове взялась эта легенда, может быть, действительно она ему приснилась, что иногда и бывает при галлюцинациях, важно то, что его голова целый день занята ею; эта мысль, носит навязчивый характер, на подобие какого-то музыкального мотива, твердо засела у него в воображении. Этот образ черного монаха всецело царил в его мозгу, и ждал только удобного момента, чтобы проэцироваться в пространство, об'ективироваться, стать галлюцинацией». Психолог Тэн — сказал бы: «пока образ этот корректировался другими впечатлениями, исправлялся, уравнивался другими образами, пока масса остальных впечатлений, воспринимаемых обычно, держала Коврина в состоянии разумного бодрствования, равновесия, все было хорошо; но лишь только оно прекратится вследствие гипертрофии или атрофии одного из элементов, Коврина постигнет полное или частичное помешательство», а оно не за горами, оно очень близко. По смыслу легенды монах должен ожидать сегодня или завтра.

Коврин в *раздумьи: напрягая мысль* (он сам подготовлял галлюцинацию) шел мимо цветов, испускавших влажный, раздражающий запах, при звуках скрипки, издававшей как бы звук человеческого голоса, по парку незаметно дошел до реки; широкое поле, отсутствие человеческого жилья, спокойная поверхность реки, мягкие лучи заходящего солнца, тропинка, ведущая в неизвестное загадочное место, а главное, простор, свобода и *тишина*, настроили воображение на особый лад: казалось, что весь мир смотрел на него, притаился и ждал, чтобы он его понял.

Таинственная, опасная минута!

В такие мгновенья душа охватывается каким-то особым чувством слияния с природой, когда «я» человека теряется, он чувствует себя частицей этой природы, дышит ее дыханием, теряет *самообладание* и в *самозабвении*, как бы в *полусне* воспринимает внешние впечатления, живет только внутренним чувством, образами, в области фантазии, отрешившись и позабыв о внешнем мире; для него существует только внутренний мир, он как бы переселился в свои психические центры и как во сне подчинился только одной идее. В эти минуты можно понять психический процесс, что всякая реальность создается только способностью воображения, как думал философ *Фихте*, ну, а философ Коврин уже начал галлюцинировать. Дунул ветерок, пошевеливший ему волосы и пробежавший волной по ржи, затем ветер усилился, рожь зашумела сильнее и послышался ропот сосен.

«Коврин остановился в изумлении. На горизонте точно вихрь или смерч поднимался от земли до неба высокий черный столб. Контур у него были не ясны, он двигался с быстротою, становясь все меньше и яснее. Коврин бросился в рожь, чтобы дать ему дорогу. Монах в черной одежде с седой головою и черными бровями, скрестив на груди руки, пронесся мимо. Босые ноги его не касались земли. Уже пронесся сажени на три, он оглянулся на Коврина и улыбнулся ему ласково и в то же время лукаво. Но какое бледное, худое лицо! Опять начиная расти, он пролетел через реку, неслышно ударился о глиняный берег и сосны и, пройдя сквозь них, исчез, как дым.

«Ну вот видите ли... пробормотал Коврин, значит, в легенде правда».

«*Не стараясь* об'яснить себе странное явление, довольный одним тем, что ему удалось так близко и так ясно видеть не только черную одежду, но даже лицо и глаза монаха, приятно *взволнованный* он вернулся домой. Он один видел монаха. Ему сильно хотелось рассказать обо всем Тане, и ее отцу, но он сообразил, что они, наверное, сочтут его слова за бред, и это испугает их, лучше промолчать. Он громко смеялся, пел, танцевал мазурку, ему было весело, и все гости и Таня находили, что *сегодня* у него *лицо* какое-то *особенное*, лучезарное, вдохновенное и что он очень интересен». Итак, у него была зрительная галлюцинация, к восприятию которой он уже раньше подготовился, да и ее самое подготовил. Как перед галлюцинацией, так и во время ее он находился в состоянии *ЭМОЦИИ*, душевного волнения, которое я считаю одним из условий появления галлюцинации. Эта эмоция захватила Коврина настолько, что он очутился в ее полной власти, он поверил ей, он обманулся умом, приняв свой собственный образ за действительность; в первые минуты он не

мог разобраться в своем собственном состоянии и произведении, а всецело подчинился ему, и только потом он уже стал рассуждать и отчасти критически относиться к своему видению. Он не справился сразу со своей галлюцинацией, как это сделал *Гете*, увидевши своего серого двойника, или еще лучше *Мопассан*, который, видя своего двойника, правильно рассуждал: «это есть галлюцинация и если не иметь капельки здравого смысла, т. е. сойти с ума, поверить существованию двойника, обмануться умом, подвергнуться самообману. Эта психическая операция Мопассана, при которой сохранилось у него самосознание, т. е. критическое отношение к данному восприятию, эта капелька здравого смысла как раз именно отсутствовала у философа и психолога Коврина.

Он находился в особенном физиологическом состоянии оживления, что не укрылось от остальных гостей и Тани, так как это волнение отражалось на его лице и поведении. Он настолько был *уверен*, что действительно видел этого монаха телесными, а не умственными очами, что даже боялся рассказывать об этом, ибо ему не поверят, сочтут за бред, испугаются, а потому молчал, он был доволен, что видел его так близко и мог рассмотреть его. Уйдя к себе в комнату, он хотел думать о нем и не мог читать ничего на ночь.

«Приятное возбуждение теперь томило его, вызывало множество мыслей. Ходя по комнате, он стал думать о черном монахе, и вот только теперь ему пришло в голову, что если этого странного, сверхъестественного монаха видел только он один, то, значит, *он болен и дошел уже до галлюцинации*. Это соображение испугало его, но не надолго.—Но ведь мне хорошо, и я никому не делаю зла, значит, в моих галлюцинациях нет ничего дурного, подумал он, и ему опять стало хорошо. У него была непонятная радость, наполнявшая все его существо; ему хотелось чего-то гигантского, необъятного, поражающего. Почти всю ночь он не спал и только вном он затуманил свое сознание и под утро уснул.

На другой день у Коврина к зрительной галлюцинации присоединилась и слуховая. Вечером, сидя в саду и слыша пение и звуки скрипки, напомнившие ему про черного монаха, он подумал: „где-то находится эта оптическая несообразность, и едва он *нарисовал* в своем *воображении* то темное привидение, которое видел на ржаном поле, как из-за сосны, как раз напротив, вышел неслышно, без малейшего шороха человек среднего роста с непокрытой седой головой, весь в темном и босой, похожий на нищего, и на его бледном, точно мертвом лице, резко выделялись черные брови. Приветливо кивая головой, этот нищий или странник бесшумно подошел к скамье и сел, и Коврин узнал в нем черного монаха. Минуту оба смотрели друг на друга, Коврин с изумлением, а монах ласково, и как и тогда, немного лукаво, с выражением себе на уме.»

«Но ведь ты мираж», проговорил Коврин, «зачем же ты здесь и сидишь на одном месте? Это не вяжется с легендой.»

— «Это все равно,» ответил монах не сразу, тихим голосом, обращаясь к нему лицом. «Легенда, мираж и я—все *продукты твоего возбужденного воображения. Я призрак.*»

— «Значит, ты не существуешь?» спросил Коврин.

— «Думай, как хочешь,» сказал монах и слабо улыбнулся. Я существую в твоём воображении, а воображение твоё есть часть природы, значит, я существую и в природе.»

— «Я не знал, что моё воображение способно создавать такие феномены. Но что ты смотришь на меня с таким восторгом. Я тебе нравлюсь?»

«Да, ты один из тех немногих, которые по справедливости называются избранниками Божиими.»

В дальнейшей беседе монах, отвечая на вопросы Коврина о бессмертии, о цели жизни, о великой будущности людей, о царстве вечной правды, наговорил ему много приятных для него вещей.

— «Как приятно тебя слушать,» сказал Коврин. Но так как он сознает, что монах есть призрак, галлюцинация, то, значит, он психически болен, ненормален. Но и здесь монах его успокоил, доказав ему, что он заболел вследствие переутомления, принес в жертву идею свою жизнь и здоровье, т. е. поступил так, как благородная натура.

Коврин задал вопрос, может ли он себе верить, раз он психически болен, и на это монах дал ответ, что гениальные люди, будучи родственны помешательству, также видели призраки, и что здоровые—только заурядные, стадные люди.

— «Странно, ты повторяешь то, что *часто мне самому приходит в голову*—сказал Коврин. Ты *как будто подсмотрел и подслушал мои сокровенные мысли*».

В действительности, так оно и было. Монах, или вернее сам Коврин, *влагал свои собственные мысли в уста монаха*, который явился, т. образом, его *вторым я*. Коврин раздвоился, стал двойным и сам с собою вел беседу. Как известно, душевно-больные весьма часто беседуют сами с собой, не подозревая этого, а думая, что они отвечают на голоса, которые слышат. Здесь подсознательная работа, о которой все время психиатры говорят при обсуждении психических процессов душевно-больных, настолько рельефно происходит, что сама себя выдает, являясь уже об'ективированной для мира; ведь, в сущности мы сами часто ведем с собой беседу внутреннюю, обсуждая какие-либо мотивы поступков, приводим себе всякие возражения и, наконец, останавливаемся на каком-либо решении, но разница между нами и душевно-больными та, что мы ясно отдаем себе отчет, что все мысли, появляющиеся в голове, принадлежат нам, мы признаем их своими, душевно же больные теряют чувство принадлежности себе

непроизвольно появляющейся у них мысли, тогда как произвольное мышление они считают своим.

Коврин, хотя и сознавал, что он галлюцинирует, так как он был психолог и философ и мог разбираться в своих мыслях и до некоторой степени критически относиться к ним, он даже сознавал конец галлюцинации, когда монах исчезал у него с вида и он говорил «галлюцинация кончилась, а жаль», но он, как я сказал, настолько был охвачен душевным волнением, эмоцией, что не мог справиться с этим последним состоянием, так же как мы, сознавая, что солнце есть шар неимоверных размеров, не можем отделаться от обычного нам представления его в виде небольшого диска.

Коврин был весел и счастлив. Слова монаха льстили всему существу его: он избранник, служит вечной правде, он стремится к счастью человечества.

Идея величия постепенно овладевала его мозгом. А тут еще завладело им чувство счастья.

У него было восторженное сияющее лицо и глаза, полные слез. Он переживал светлые, чудные, неземные минуты, как сказал он Тане, но не мог рассказать ей всего, так как она не поверит ему и назовет его сумасшедшим, он признался, что любит ее, хочет любви, которая бы захватила его всего и эту любовь она ему может дать, он счастлив, счастлив. Он захлебывался от этого счастья и совсем уже потерял остатки своего ума.

Хотя Коврин был интеллигентным человеком, психологом и философом, критически относившимся к своему состоянию, сознававшим, что он галлюцинирует, он, однако, не мог справиться со своим состоянием, ибо это была болезнь, так же как и *Мопассан*, который хотя в начале и боролся с галлюцинацией, но в конце концов сошел с ума и кончил свою жизнь в психиатрической больнице, как и тот художник, который воображаемое лицо в конце концов смешал с действительностью. Такова сила психической болезни. Больной мозг не может сопротивляться, и побеждать галлюцинацию.

Коврин хвалился своим счастьем и испытывал такое чувство, которое несвойственно здоровым людям, переживал светлые, чудные, неземные минуты, но едва ли ему можно было, бы позавидовать да кроме того, мне кажется, здесь у душевно-больных, при описании ими своих чувств, есть известная степень преувеличения. Не особенно давно в литературе появилась книжка *Вавилова* «О безумии», где автор проводит те же мысли, что и «Черный монах»: здоровые, обычные люди не испытывают таких чувств, которые он сам, автор, будучи душевно-больным, испытал, и только сумасшествие может доставить человеку такие наслаждения.

Он делает ссылки на гениев, так же как и чеховский монах, сродных помешательству, которые испытали такие чув-

ства, но с его мнением совершенно нельзя согласиться, и при более внимательном анализе этих «неземных» чувств, переживаемых больными, которые в их описаниях употребляют этот термин, при анализе, повторно, оказывается, что здесь есть значительное преувеличение.

Любовь Коврина к Тане подлила масла в огонь. Все время находясь в страстной любовной атмосфере, Коврин галлюцинировал, подолгу беседовал с монахом и был уже крепко убежден, что подобные видения посещают только избранных выдающихся людей, посвятивших себя служению идее. Это убеждение было настолько крепко, что когда монах явился к Коврину, то он вел разговор на тему, интересную для монаха, и тот приветливо кивал ему головой; окружающие его этого, конечно, не видели.

Галлюцинации Коврина не могли не быть в конце концов замечены его женой, и однажды в 5 ч. утра, когда он беседовал очень горячо с монахом, то его жена Таня, проснувшись, с ужасом наблюдала сцену, когда ее муж, «обращаясь к креслу, жестикулировал и смеялся, глаза его блеснули, и в смехе было что-то странное». Когда она спросила, с кем он разговаривает, он в смущении указал на кресло, где конечно, никого не было. Тогда она воскликнула: «ты психически болен, Андрюша!» Она «давно уже заметила, что душа его чем-то расстроена, так как он иногда разговаривал сам с собой». Коврин только «теперь понял, что значит черный монах и беседа с ним. Для него теперь было ясно, что он сумасшедший».

Для вас, может быть, кажется странным, что сумасшедший сознает себя таковым; обыкновенно, ведь, душевно-больные себя не считают сумасшедшими, но это не есть общее правило, некоторые больные считают себя сошедшими с ума, некоторые даже сознают, что они сходят с ума. Итак, Коврин поехал к врачу и стал лечиться, он «выздоровел», перестал видеть черного монаха, и ему оставалось только подкрепить свои физические силы. Живя у тети в деревне, он пил много молока, работал только 2 часа в сутки, не пил вина и не курил, но он стал скучать и жаловаться своим родным, зачем они его лечили. «Бромистые препараты, праздность, теплые ванны, надзор, малодушный страх за каждый глоток, за каждый шаг, все это в конце концов доведет меня до идиотизма». «Я сходил с ума, у меня была мания величия, но за то я был весел, добр и даже счастлив, я был интересен и даже оригинален. Теперь я стал ассудительнее и солиднее, но за то я такой как все: я потерял ответственность, мне скучно жить. Я видел галлюцинацию, но почему это мешало?» Таня определяла состояние мужа так: «муж стал раздражителен, капризен, придирчив и неинтересен». Но Коврин продолжал свое: «как счастлив Будда и Магомет или Шекспир, что добрые родственники и доктора

не лечили их от экстаза и вдохновения». В сильно раздражительном состоянии, желая вернуть прошлогоднее настроение, он закурил крепкую сигару и приказал лакею принести вина, но от сигары и двух глотков вина у него закружилась голова и началось сердцебиение, так что понадобилось принимать бромистый калий. Коврин получил самостоятельную кафедру, но читать лекций не мог по болезни, у него шла горлом кровь. Мать его умерла от чахотки, передав ему эту болезнь. Он разошелся со своей женой, сошелся с другой женщиной. От Тани он получил письмо, в котором она посылала ему проклятья: «я приняла тебя за необыкновенного человека, за гения, я полюбила тебя, но ты оказался сумасшедшим».

Коврин изорвал это письмо, он размышлял о суете мирской, сознавал, что представляет из себя посредственного ученого. Выйдя на балкон, он услышал ту самую мелодию о девушке, больной воображением, она напомнила ему прошлое, у него захватило дыхание, сердце сжалось от грусти, и чудесная сладкая радость, о которой он давно уже забыл, задрожала в его груди.

Черный, высокий столб, похожий на вихрь или смерч, показался на том берегу бухты. Снова явился ему черный монах.—«Отчего ты не поверил мне?» спросил он с укоризной, глядя ласково на Коврина. Если бы ты поверил мне тогда, что ты гений, то эти два года ты провел бы не так, печально и скучно.» Коврин уже верил тому снова, что он избранник божий и гений, он живо припомнил свои прежние разговоры с черным монахом и хотел говорить, но кровь текла у него из горла прямо на грудь... он звал Таню, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна. Невыразимое безграничное счастье наполняло все его существо. Черный монах шептал ему, что он гений, что он умирает потому только, что его слабое человеческое тело уже потеряло равновесие и не может служить оболочкой для гения.

Коврин был мертв и на лице его застыла блаженная улыбка. Хотя Коврин и умер, но мы еще немного поговорим о нем. Вы изволили слышать, что в начале, после лечения от болезни он выздоровел, но затем снова заболел; болезнь его приняла, повидимому, периодический характер.

Таким же периодическим психозом болел и Гаршин. Эта особенность — периодичность болезни Коврина поможет нам понять то состояние духа, в котором он находился, когда у него не было галлюцинаций, и он чувствовал себя таким несчастным, и это не потому, что у него не было галлюцинаций, а потому что настроение духа его было болезненное, как предвестник наступления галлюцинаторного состояния, или же как вторая фаза его болезни.

Если вы проследите биографию Гаршина, то вы там найдете указание на чрезвычайно тоскливое состояние его духа, его меланхолию, когда все представлялось ему в мрачном свете, и он был также раздражителен, как Коврин.

Сравнение повести «Клара Милич» Тургенева с повестью «Черный Монах» Чехова в понимании авторами психологии галлюцинаций.

Повесть Тургенева была написана, как известно, раньше Чехова. Можно почти с уверенностью сказать, что Чехов был знаком с нею и даже отчасти взял ее за образец, так много общего в психологических подробностях развития галлюцинации той и другой. Если же это предположение не соответствует фактически подражанию одного автора другому, то тем более интересно сравнить их между собою и отыскать сходные черты, что будет служить доказательством того, как оба писателя верно поняли и изобразили психический процесс не в области здравого ума, а в его болезненном состоянии, что, конечно, весьма трудно для не специалиста в области психопатологии, но должно было быть легче Чехову, как врачу, в сравнении с Тургеневым.

Представим сравнительную таблицу:

А р а т о в.

1. *Наследственность.* Мать была больна чахоткой и сын унаследовал от матери анемию и склонность к чахотке.

2. *Непосредственные причины галлюцинаций:* нравственные потрясения, утомление, нервность.

3. *Изменение настроения:* неладное в речах и взглядах, был очень не в духе, какой-то «расстроенный».

4. *Появление образа* Клары на яву и во сне; думал о ней, даже беспрестанно представлялся образ Клары до малейших подробностей.

5. *Внешние условия,* predisposing к галлюцинации: мрак комнаты, тишина, закрытые глаза.

6. *Вначале слуховая* галлюцинация, зрительная впоследствии, а между ними осязательная.

7. *Критическое отношение к* слуховой галлюцинации, после того, как в первый момент поверил в нее.

8. *Признание воображения, как* основы создания образа.

9. *Беседа с галлюцинацией,* Бред.

10. *Счастье Аратова и смерть* его.

К о в р и н.

1. *Наследственность.* Мать умерла от чахотки. Сын также был чахоточный и умер от чахотки при явлениях кровотечения из горла.

2. *Непосредственная причина галлюцинаций:* утомление, расстройство нервов.

3. *Изменение настроения:* нервная, беспокойная жизнь, бессонница, возбуждение.

4. *Появление образа монаха;* думал о монахе, о легенде, относящейся к нему, может быть, монах ему снился.

5. *Внешние условия:* простор, свобода и тишина, спокойная поверхность реки, мягкие лучи солнца, поле.

6. *Вначале зрительная* галлюцинация, потом слуховая, между ними осязательная.

7. *Первый момент вера в галлюцинацию,* потом критическое отношение к ней.

8. *Воображение есть основа* галлюцинации, которая является его продуктом.

9. *Разговоры с монахом,* высказывавшим мысли Коврина. Бред величия.

10. *Счастье Коврина и смерть* его.

Если Вы сравните обе таблицы, то увидите, что одна может быть поставлена на место другой: почти буквально одно и то же во всех 10 пунктах. И так как Чехов писал позже Тургенева, то, конечно, он мог бы явиться подражателем, но не списал же он, подобно гимназисту, у Тургенева план и по нем составил свою повесть. Вернее то, что мышление обоих писателей оказалось совершенно одинаковым, и понимание ими психологии галлюцинаций явилось тождественным, и так как они совершенно правильно с точки зрения психиатрии изобразили галлюцинации, то это указывает, что оба они были удивительно наблюдательными писателями, а выше этой похвалы, когда кого назовут хорошим наблюдателем, по мнению *Флобера*, ничего не может быть.

Самым интересным, однако, по крайней мере для меня, является вопрос, почему такие интеллигентные люди, как Аратов и Коврин, могли поверить своим видениям. Казалось бы так просто, смотря со стороны, разрешить эти загадки и твердо сказать самому себе: «да, это ведь, все мне кажется, это мое воображение, не поверю я галлюцинации, не поддамся ей, не сойду с ума».

В действительности не поддался же *Гете* своему серому двойнику и не сошел с ума; но что под силу титану мысли, с тем не может справиться обыкновенный ум, и причину этой слабости, мне кажется, надо искать в заболевании мозга, которое в таких случаях напоминает сноподобное состояние. Ведь, во сне мы верим самым невероятным вещам, которые в бодрственном состоянии поразили бы нас своей нелепостью. Поняв состояние мозга во сне, мы пойдем веру в галлюцинацию. Что же происходит во сне? Чем сон отличается от нормального состояния? А вот чем: во сне сознание сужено, вследствие нарушения ассоциативной деятельности. Во сне остается обычно только одна дорога, по которой и движется человек, как бы позабыв все остальное, и потому никто не удивляется и не поражается, сознание его сужено. Он может думать и чувствовать только в одном направлении. Взрослый может забыть, что он женат, что у него есть дети, что он занимает известную должность и т. д., а может очутиться в совершенно невероятном положении, соответственно которому и чувствовать себя. Сужение сознания достигает различной степени в зависимости от того, какая область находится в действии, и только, разбудив человека и заставив работать все области мозга, мы возвращаем его в нормальное состояние.

Теперь представьте себе такой случай: во сне у человека отсутствуют какие-либо образы, кроме одного, ну, хотя бы образа моря, тогда ему будет казаться, что он видит море, ибо никакой другой образ не будет ему напоминать о чем либо другом; во сне так и бывает: появившийся образ моря уже тем самым становится морем, что человек видит море.

Так и при галлюцинации: появившийся образ становится действительностью. Аратов видит Клару, он бросается к ней, целует ее, чувствует ее горячие губы и т. д., для него это действительность: образ стал плотью, телом. Да, ведь, не так далеко уже от воображения до действительности: посмотрите на детей, как они при играх входят в свою роль и считают свое воображение действительностью, как и хорошие артисты, плачущие иногда натуральными слезами, или писатель *Флобер*, который в романе «м-ме Бовари», при описании отравления героини мышьяком, чувствовал у себя на языке металлический вкус мышьяка, его рвало и он испытывал тяжесть в желудке, как бы отравленный. А разве же мы, нормальные люди, не галлюцинируем всю свою жизнь, принимая свои идеи за действительность? Ведь, вся окружающая нас действительность есть наша идея, и если бы мы проникли в тот процесс, который совершается при нашем ежедневном творчестве мира, что мы, выражаясь языком Беркли, созерцаем лишь наши собственные идеи, то нас несколько не удивило бы состояние галлюцинанта, который свой образ, свою идею принимает за действительность. Но к нашему счастью, а может быть и несчастью, как хотите, мы этого не сознаем, не сознаем тех мистерий природы и духа, результатом которых является действительность, и только во сне это случается с нами, мы нашу мысль принимаем за действительность. Во сне наш дух возвращается как бы в свои недра, в свое первобытное состояние. Еще низшая ступень духа—сон без сновидений, будет состоянием спящей монады, как выражался *Лейбниц*. Но приходится ли нам жалеть, что дух наш, вследствие своего развития вышел из того состояния, когда он был Богом и творил мир, не сознавая того, а в силу своих творческих свойств, а теперь достиг высшей степени, когда сознание его настолько прояснилось, что мир, созданный им, он считает ничтожеством, как свое собственное произведение, а стремится уже познать самого себя. Идея в завершении своем, как сказал Гегель, в своем диалектическом развитии возвращается к самой себе, пережив известные фазы или периоды своего развития. В феноменологии сознания дух достигает самосознания и является, как сознающий себя дух, как истина.

В этом открытии своих собственных свойств или атрибутов, из которых нам, по мнению *Спинозы*, известны только два: мышление и протяжение, и заключается, по моему мнению, философская задача нашего времени. Человеческий дух еще не закончил своего развития, хотя и вышел из сновидных грез своего первобытного состояния, когда он не мог различать себя самого от своего творчества.

Сновидения и галлюцинации, как вы изволили слышать, представляют весьма поучительные факты для характеристики того духа, который *Спиноза* назвал субстанцией, *Лейбниц*

монадой, а Гегель абсолютным духом. Психологический анализ литературных произведений наших корифеев, как напр., *Тургенев*, *Чехов*, в особенности *Достоевский*, и др., кроме чисто эстетического неслаждения, доставляемого чтением, может натолкнуть вас на открытие таких свойств человеческого духа, на какие не укажет вам ни один учебник психиатрии, это потому, что в *произведении поэта и писателя выступает творчество* самого духа, и надо уметь только открыть его, ибо оно часто совершается интуитивно, исторгая тайну природы или духа, о которой не подозревает даже сам автор поэтического произведения.

Наша задача заключается в том, чтобы открыть эти тайны и насладиться ими, так же как мог бы насладиться Аратов, если бы он открыл тайну такой прелестной девушки, как Клара Милич, ему не пришлось бы сходить с ума.